

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 22

1983

Антал ГИДАШ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

ЛИРИКА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 22

Антал ГИДАШ

Л И Р И К А

Перевод с венгерского

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Антал ГИДАШ
(1899—1980)

В этом сборнике стихов помещена лишь небольшая частица обширного литературного наследия выдающегося венгерского поэта.

Тридцать четыре года, отринутый фашистским строем Хорги, провел он в нашей стране, активно участвуя в ее жизни, издав множество стихов и романов, которые принесли ему заслуженное признание. Напомним лишь о трилогии «Господин Фицек», «Мартон и его друзья», «Другая музыка нужна». Гидаша связывала тесная дружба со многими советскими писателями.

«Любовь и свобода» — слова гениального Шандора Петефи стали девизом и Антала Гидаша.

Борьба за свободу и любовь явились и смыслом и уделом всей открытой и своеобразной, удивительно вольной, обращенной почти ко всему миру лирики Гидаша.

Не случайно с такой охотой и увлеченностью переводили его стихи на русский язык известные русские поэты, друзья Гидаша, такие, как Л. Мартынов, Н. Тихонов, Н. Заболоцкий, А. Сурков, Д. Самойлов и другие.

Стихи Антала Гидаша не раз переводились и на другие языки народов Советского Союза, причем тоже крупными поэтами: Тицианом Табидзе, Гафуром Гулямом, Миколой Бажаном и другими.

ВЕСНА

Из какой-то дальней дали
манит веткой, чтоб увидали:
где-то там, еще не тут
горы в зелени поют,

но однажды, после полдня,
победительница холода,

ты примчишься улыбаться,
обнимать и целоваться!

ВЕТВИ ГУДЕЛИ

Помнишь, тогда эти ветви гудели,
головы в плечи дерева втянули,
и трепетали они и боялись
черного, бурю таящего неба.

Ветви гудели,
капли дождя били, будто бы пули.
Листья рыдали,
как из земли эти молнии были.
Метлы мели побледневшую землю
и устремились в дорогу желанья,
вечные наши стремления к цели.
Листья дрожали, они трепетали.
Ветви гудели.

* * *

Зажмурился уголек,
как будто бы он спать залег,
но только дунь, но только тронь —
и снова выбьется желанье,
как будто кровь после укуса,
пылающая, как огонь.

СЛЫШУ: ПОСТУЧАЛИСЬ!

Все-таки явилась!
Как ждалось, мечталось,
так и получилось.
Ах ты, моя радость,
ты моя отрада,
ты со мной, и больше
никого не надо!

Как сюда попала?
Знаю я и это:
села ты на алый
самолет рассвета
и на нем примчалась.
Ах ты, моя радость,
юность и отрада,
ты со мной, и больше
никого не надо!

Слышу: постучались!
Ты ли это, Агнешь?
Все-таки явилась.
Сядь же, сделай милость,
рядом я усядусь.
Дай-ка на румянец твой я полюбуюсь!

Ах ты, моя радость,
мой покой, отрада,
ты со мной, и больше
никого не надо!

Вот теперь открою
я перед тобою

все шкафы, все дверцы,
папки и тетради —
не тебя ли ради все это писалось!
Все души страницы я перелистаю —
не тебя ль все это здесь и дожидалось!
Ах ты, моя радость,
девочка, отрада,
ты со мной, и больше
никого не надо!

«Минут все страданья,
мир воспрянет».
Верю: наяву однажды распахнутся
двери,
и войдешь ко мне ты.
Говорил я это!

Как ждалось, мечталось,
так и оказалось:
ты была здесь все же
и, меня целуя,
наяву следила
за моей рукою,
как тебе пишу я.
Ты душа, ты вздох мой, ты моя отрада,
мы с тобой, нам больше ничего не надо!

МОСКВА

Глаза твои жарким горят огнем,
поля расплеснулись, синяя,
Москва.

То выпадет иней, то стает опять,
а песня рояля слышнее,
Москва.

Смеюсь я, душа ликованием полна,
и сердце разбужено песней вновь,
Москва.

Ты песня борьбы, ты моя любовь.
Нет этой любви сильнее,
Москва.
Поля распахнулись, синяя.

СТРАХ

С дерева воспоминаний я листья срываю,
лист за листом.

Любит она, не сомневаюсь я в том.
Но ведь с тех пор превратился лес в бурелом
и новая поросль к солнцу рванулась крылом.

С дерева срываю лист за листом.

Как будет? Что будет потом?
Как мы руки друг другу пожмем?

Взгляд ее опалит ли, как прежде, огнем?
Теплые струйки забьются ль в голосе ее грудном?

С дерева срываю лист за листом.

Жизнь взорвалась и разделила нас рвом.
Воспоминая, милосердными будьте хотя бы в
прахом забвенья раны присыпьте в сердце моем!
одном:

Грустно срываю лист за листом.

ВРЕМЯ

Тяжелые круги воспоминаний
прочь с черных глаз, бедою закаленных,
сними, любимая моя.
Ведь все равно утраченную радость
не возвратишь, как ни гони коня.
Горюем вдвое мы, горюя из-за горя.

РОЖДЕНИЕ

Под моим пером лежит целинный,
свежевыпавший бумажный лист.
Я пишу слова, черчу картины,
одержимый — лишь бы удались!

Ничего на свете нет блаженней!
Травкой пробивается строка,
и рождает пестрое воображенье
песню — мокрого, дрожащего телка.

СВЕТАЕТ

Ночь домой вернулась с карнавала,
прилегла сейчас же, в чем была,
даже кружевного покрывала —
облачной косынки не сняла.
И на самый край земли сползает
платья серебрящийся атлас.
Спать ей захотелось. Не сверкают
даже звезды утомленных глаз.
Но блестят сапожки, те, в которых
танцевала на балу она,
и на правом — солнце, точно шпора,
а на левом — все еще луна!

МАИ

Прошелся бы с тобою по лесу,
где в чаще перепалка птиц,
где сразу узнаешь по голосу
чижей, малиновок, синиц,
и даже подражать им силишься...
А я бы целовал тебя сто раз подряд
и говорил с тобой, как говорят
одни лишь матери или кормилицы.

ИЮНЬ

Луна вгнездилась в черный мир ветвей,
в лесу прохлада, тишина такая...
И снова на душе моей покой,
грусть человеческая, тихая, большая.
Созвездия мерцают в вышине,
и долгий взор я обращаю к звездным ликам.
Июньской ночью, где-то меж ветвей,
сидит луна в своем сиянье диком.

ИСПАНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Вот они, горы!
Слева и справа
сосны на небо
взбегают толпой...
Что это?
Слушай, немая дубрава:
кто это
крадется там, за спиной?
Верные горы,
вы мощью богаты!
Родина,
здесь твои вижу огни!
Здесь ты, Испания!
Возле костра ты
Знамя Свободы
опять разверни!
На повороте
река и долина,
на повороте
испанцев судьба!
Может быть, завтра,
может быть, ныне
снова начнется
за счастье борьба.

* * *

Я в руке сдержал удар. Ему
не позволил вырваться. И вот
он по мне же самому и бьет,
ох, и бьет по сердцу моему.

* * *

Поток весенний мчится с гор крутых,
устаи влажными он берега целует.
Кто помнит, что его родитель — снежный вихрь?
...Весна сверкает, горлицы воркуют.

* * *

Сейчас встанет солнце. Охвачены тучи
румянцем рассвета. Смотри, дорогая!
Прощаясь с дремотным объятием ночи,
трепещет травинка нагая.

С зеленых ресниц ветерок предрассветный
росинку смахнул, убегая...
Сейчас встанет солнце. А я вспоминаю
твою теплоту, дорогая!

* * *

Люблю, когда лето в объятья
горячую землю берет,
от пламени их поцелуев
в листве зачинается плод.

Деревья вздыхают в потемках,
и ветер от неги чуть жив,
и стелются с шепотом ветки,
усталые листья смежив.

А осенью ветер ограбит,
истреплет, истопчет листву...
И будут деревья о лете,
о лете мечтать наяву.

ЮЖНАЯ ПЕСНЯ

Ты, южный ветер, милый родич мой,
с такой тоской моих коснулся щек!
Закат угас, все завершилось тьмой,
но про тебя толкует ветерок.

Ведь это ты — тебя я вижу въявь —
там под луной застыла у сосны.
Вспоминания вскипают вновь и вновь,
как пена на гребне волны.

ТЕБЕ

Лишь тебе, лишь тебе, лишь тебе,
и никому другому,
душу свою я открою —
женщине, другу, товарищу
с сердцем героя.

Ты во мне зорко увидела
то, что сам я не видел
в дни, когда выли грозы, —
вбитые в рот кровенеющий
ветви-занозы.

Ты мне звезда путеводная,
прямо в глаза глядела
ясностью непреклонной,
как лейтмотива в оркестре
звук напряженный.

Лето мое не окончилось,
но приближается осень,
серые дни увяданья.
Нам бы воздвигнуть до холода
мощь изваянья.

Ты как полоска заката,
звездочка первая в небе,
слышишь, прошу я, как милость:
пусть в моей жизни сбудется
то, к чему сердце стремилось.

СТАРЕЮ

Слезы, слезы, слезы льются,
не иссякнут, не уймутся;
льются горькою рекою,
память не дает покою.
Между Марсом и Венерой
я ходил с беспечной верой.
И во мне столкнулись странно
две звезды. Но, несмотря на
кровь и горечь, я упрямо
шел не путано, а прямо.

Молодости месяц юный
скрыт под мертвою лагуной.
Доброй зрелости светило
раскаленным ветром сбило
с небосвода... Старость рядом...
И созвездья тусклым взглядом
предвещают с небосвода
час их смерти, час захода...
.....
Слезы, слезы, слезы льются,
не иссякнут, не уймутся.

В ОДНУ ИЗ ТЕМНЕЙШИХ НОЧЕЙ ВОЙНЫ

Поезд твой оторвался от сумерек станционных,
и вдруг стемнело.
Меж деревьев залегшее горе этот миг уловило,
черной массой осело на души и на кроны деревьев.
Но до Кунцева уж докатился поезд твой, отчаянья
полный
(там Багрицкий смотрел когда-то созвездья и,
задыхаясь,
все пытался понять он что-то).
И похоже, что в бездне небесной никаких уж и
звезд не осталось,
а до нас долетает одно лишь сиянье былое —
извивающиеся обрывки нитей с прядки, давно
казненной.
И печально существование за вагонными окнами,
будто
уж не поезд идет, а струится река, так и бакены
меркнут.
Ночь везде — впереди и сзади.
На сгустившемся небе томятся только несколько
звезд забытых,
мгла течет безутешным потоком и безмолвно
ширится морем.
Я сажусь на рельсовый берег: надо мною застыло
время.
Ты сейчас открываешь двери нашей квартиры,
и в руке твоей ключ короткий и другой, подлиннее.
Успокойся! И я успокоюсь. Мне страх опостылел.
Плохо быть одному во мраке затемненного этого
мира.
Мы не можем жить друг без друга.

УЛИЦА ЖАСМИНА

Все это потому, что
на белый свет пришли мы
с твоих задворков душных,
улица Жасмина.

Мы — мальчики вот эти
и девочки вот эти —
все, все твои мы дети,
о улица Жасмина.

Твоей жарой палимы,
цвели в твоей пыли мы,
о улица Жасмина.

В убожестве убогом
твоих глухих окраин
казался грозным богом
домоозяин!

А вот мы и подростки!
Нас учат перекрестки
плясать, не унывая,
на буфере трамвая,
отшатываться в страхе
от полицейской бляхи.
Бежать, не уставая,
и не даваться в руки —
нас учит мостовая
всей уличной науке!

Нас гнули,
пригибали.
Из школ нас вышибали,
чтоб зря мы не гуляли,
работать заставляли,
а при расчете за нос
водили мастера нас...
Нас делу обучили!
Снаряды мы точили,
а чтоб мы не скучали,
нас пенью обучали...
«Милый мой, хороший мой,
не придешь, так черт с тобой!»

«Как приятно в нашей роще, гей!»
«Венгерский мальчик, где ты ныне —
в могиле или на чужбине?»
«В воскресенье жди солдата».

Так пели мы когда-то,
на дымных оружейных
работая заводах
с рассвета до заката
и снова до рассвета.
Мы на помойной яме
звенели соловьями.
Звалось «культурой» это!

На стадионе Милленари
толпой к трибуне нас сгоняли.
Мы там, по приказанью свыше,
поэту, господину Поше *,
чьи мерзопакостные вирши
всех скверных вирш на свете
плоше,—
цветы с поклоном подносили.
Учил он подчиняться силе
и чтобы мы начальство чтили...

О мальчики и девочки, подруги и
друзья мои!
Давайте ныне явимся, как будто те
же самые,
на улицу Жасмина, где бил нас
постовой,
где лаяться учил нас извозчик
ломовой,
где наши кости крепили в пыли
на мостовой.
О улица Жасмина! Пыль, камень,
грязь.
Ты, улица Жасмина, где голод мучил
нас,
знай, улица Жасмина, придет твой
час —
сверкнет тяжелый молот, в твоей руке
лучась!

* Поша Лайош — третьесортный поэт буржуазной Венгрии, автор детских стихов и сказок, написанных в шовинистическом духе.

ПОГИБШИМ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ

Слышали вы, когда фанфары,
фаготы, трубы и тромбоны,
привыкшие играть победу,
в печали головы склонив,
играют траурные марши?!

И боль нам души сотрясает,
и горы сотрясает боль!

Лишь горе малого ребенка
своею искренностью детской
сравниться может с нашим горем.

О страшная, рыдающая осень!..
Мы видим: их
по городу ведут,
в полночной мгле,
среди бела дня;
кого к петле,
кого к стене,
кого к реке
ведут.
И молча падают они,
и пляшут белые убийцы.

Немая месть сжимает наши зубы!

Склоните красные знамена,
склоните стяги
с каймою черной по краям.
Раскройте настежь окна, двери.
Пусть шире распахнется небо.

Они проходят,
в крови их лица,
безмолвны губы,
и только руки
зовут вперед.

Смотри и знай:
вновь протрубит труба победы.
Нет мертвецов у нас!

Осталась боль,
остался гнев,
но наши мертвецы живут!

Они сольются с нами
в восстании кровавом,
они опять заговорят,
в громовом залпе канонады,
и песня их сольется
с ликующе-торжественным хоралом
заводов!

* * *

Дай мне руку. Там в печали
ветер бродит среди тьмы.
Знай, что в этом трибунале
подсудимые
не мы.

Солнца падает каскад,
и огонь горами бродит.
Погляди, какой
закат,
на крови замешан, всходит.

19 МАРТА 1944 ГОДА *

Не захлебнусь, не утону,
хотя б весь мир пошел ко дну.
Кровь до ветвей взбежала!

Трепещет дух, он втоптан в прах,
людей захлестывает страх,
и мразь возликовала.

И что ни слово — брань и крик,
молочный зуб остер, как клык,
в остервенелой пасти.

* В этот день гитлеровские войска вступили на территорию Венгрии.

И душит ворот, как петля,
и ветер, губы опала,
рубаху рвет, как снасти.

И выпученные глаза
деревьев кровью застит...

* * *

Не терзай меня больше. Довольно!
Ничего уж не чувствую я, так мне больно.
Ночь декабрьская. А снаружи
оголенное прошлое дрожит от стужи.

Не терзай меня больше. Довольно!
«Эх, хозяин!» — мне сердце кричит беспокойно
и стучит, как живое дитя, задыхаясь,
у повешенной матери в чреве брыкаясь.

Не терзай меня больше. Довольно!
Ничего уж не чувствую я, так мне больно.
Что хорошего в том, чтоб, отъята от тела,
голова годы капала кровью, смотрела.

БОИНЯ

И, плача, я хватаю за рога
мои бодающиеся воспоминанья,
я волоку на бойню их, пока
не разорвалось сердце от страданья.

И за ударом падает удар,
и предо мною, вскакивая с ревом,
они хрипят в беспамятстве, и пар
их застигает облаком багровым.

И вот, на крючьях поднятых вдали,
они висят, качаясь еле-еле,
и морды их волочатся в пыли,
и слезы на глазах застекленели.

И буря поднимается во мне,
и от рыданий вздрагивают веки,
и плачу я, истерзанный вдвойне,
навек окровавленный, навеки...

* * *

Тяжко страдать,
но чужую испытывать муку
в тысячу раз тяжелей...
И лежу я, повергнутый ниц.
Сердце сжимается.
Дай, дорогая, мне руку
и не гляди
на застывший в отчаянье трепет ресниц.

Детская песня,
и та нам ресницы вздувает,
полные слез...
Но сегодня невысказано спать.
Дай твою руку.
Душа трепещет замирает.
Звезды рассвета
печально пылают опять.

* * *

Трещит осенний лес нагой,
и стонет опаль под ногой.
Во мне, извне, в листе, в воде —
одно смятение везде.

Несу казенные цветы,
в прах превращенные цветы.
Ввысь, вниз гляжу, вперед и вспять,
чтоб ничего не увидеть.

* * *

Черные руки вздымают мосты.
Мертвые люди вздымают персты.
Мать моя, руку вздымаешь и ты.

Черною тенью скользят облака.
С визгом и воплем несется река.
Давит ее человечья тоска.

Нет ей покоя от мертвых гостей.
Русло от боли сжимается в ней.
Волны — и те человечней людей.

Вихри — и те человечней врага.
В ужасе гонят они облака.
Полная слез, негодует река.

* * *

Я вхлебываюсь ртом хрипящим
в пучину горя твоего.
Жестокий век! И проклинаю
и обнимаю я его.

* * *

Слово я возненавидел,
как бурьян дурной, вонючий.
А ведь как любил я слово —
и не знать бы тебе лучше.

Никакие уж тревоги
за меня бы не томили...
Рухнувшими словами
окружен в застывшем мире.

Я возненавидел слово,
слово в том отвратном смысле,
чтобы прикрывать им душу
и вскипающие мысли,

слово, что убийцу славит,
стих, что унижает храбрых,
угли звездами считает,
знюем — дни, когда я зябну!

ВЕНГЕРСКАЯ ВЕСНА *

1

Здравствуй, март!
Дай мне руку!
Весенний свет
мне навстречу сегодня летит,
будто снова мне двадцать лет,
как тогда, накануне битв.

По весеннему городу снова иду.
Узнаю эти улицы, зданья,
и спешат, окликаая меня на ходу,
молодые воспоминанья.

Вот одно улыбнулось мне рта уголком,
а в глазах у другого — страданье.
Вижу: взводами, ротами, целым полком
маршируют воспоминанья.

Вот он снова встает, девятнадцатый год.
Революция! Помню я, знаю
с ней тогда обручился венгерский народ —
гордый сын голубого Дуная.

И колышутся травы, и ветер поет,
вместе с травами гору вздымая,
а в долине шумит Будапешт. Никогда
мы такого не видели Мая.

Вот с окраины движется Чепельский полк **,
на просторы проспекта он вышел,
и трепещет от шага Андрашский проспект,
и, ликуя, тот трепет я слышу.

* Цикл «Венгерская весна» написан в 1949 году к тридцатой годовщине Венгерской пролетарской революции, свершившейся 21 марта 1919 года.

** В апреле — мае 1919 года рабочие будапештских заводов организовали отряды добровольцев для защиты Советской Венгерской Республики. На проспекте Андраши, улице аристократических особняков, революционным войскам производился смотр перед отправкой на фронт.

«Вольфнер», «Ганс» и «Вулкан», «Оружейный завод»,
«Электрическая компания»...
Сквозь сто тридцать рассветов вливается в Май
огневое вино созидания.

Вот идут батраки, беспокойный народ,—
Бекеш, Шомодь...* Откуда вы, братья?
Не забуду я, как принимал Будапешт
эти братские рукопожатья.

Дальше! Битва. Предательство. Рушится все...
Но ведь было все это! Ведь было!
И не вырвет из сердца геройскую боль
никакая враждебная сила!

2

Мост Фердинандский грохотал
в предутреннем тумане.
Под своды моста я пришел
на тайное прощанье.

Мать не заплакала. Я знал
ее обыкновенье —
ничем, ничем не выдавать
ни горя, ни волнения.

«Уходишь. Видно, навсегда...
Навеки... Чую сердцем.
Зачем?» — «Чтоб лучше было жить
нам, беднякам-венгерцам!»

Так я хотел ответить ей,
но нет, не говорилось,
и только со щеки моей
слезинка покатилаь.

С моей щеки к ее руке
ушла слезинка эта
и спряталась в ее платке,
в тяжелых складках где-то.

* Крестьяне этих двух комитетов первыми протянули руку помощи революционному Будапешту и послали рабочим обозы с продовольствием.

Меня благословила мать.
...По мосту поезд несся,
не уставали грохотать
чугунные колеса.

3

«Вот и осталась к зиме я
голой лозой виноградной.
Листья мои облетели,
гонит их вихрь беспощадный.

Но у лозы виноградной
листья появятся снова...
Где ж ты, оторванный листик?
Сына верните родного!

Плачу. Но разве слезами
могут ладони напиться!
Руки от глаз отнимаю.
Сын! Ты хотел возвратиться!..»

4

На мосту Фердинандском флаги.
Но не видишь ты флаги эти!
Застрелили тебя фашисты
Там, на мосту, на рассвете.

Слышала, ясно слышала
ты через гром канонады
радостный голос Свободы —
звуки «Интернационала».

Выбежала, не утерпела,
сына встретить хотела —
тускло стволы сверкнули,
пули вонзились в тело.

Слыша «ура» за рекою,
ты ослабевшей рукою,
хрипом предсмертного слова
благословила нас снова.

Весна! И лето впереди!
 Живу ведь не последний день я...
 Мать,
 в сердце у меня найди
 успокоенье!

Весна — куда ни погляди!
 Я сохраню твое волнение.
 Мать,
 в сердце у меня найди
 успокоенье!

Весна. И все-таки в груди
 тревожное сердцебиенье.
 Мать,
 в сердце у меня найди
 успокоенье!

Но нет, когда весь род людской
 найдет весну освобожденья,
 мать,
 лишь тогда и мы с тобой
 найдем в себе успокоенье!

Петефи лишь мечтал об этом,
 предвидел Ади: близок час!
 О Венгрия мечты прекрасной,
 вьязь расцветаешь ты сейчас!

За это Ади сердце отдал,
 погиб Петефи на войне,
 чтоб наконец-то стали венгры
 свободными в своей стране.

Там, над излучиною Тисы,
 встал Красной гвардии отряд...
 Народы, затаив дыханье,
 опять на Венгрию глядят.

И слава тем, что в битве пали,
чтоб жизни продолжался рост.
О Венгрия, «страна печали» *,
теперь сияй, чтоб в дальней дали
повсюду люди увидали
твой свет, избегающий до звезд!

7

Праздник, праздник! Зори красные
вновь над Венгрией горят.
«Утро, утро!» — говорят.
И выходят на рассвете,
молодые и прекрасные,
матери в цветущий сад,
и повсюду дети, дети...

СНЕГИРЕК

Снегирек ко мне уселся на окно
и запел: «Не хмурься, Гидаш,—
все равно.

Не горюй, что созревает уж давно,
а созреть не может вишня,—
все равно!

Горы издали не круты, но дано
или нет достичь вершины —
все равно!

Глянь: за окнами сосулек уж полно,
насладись весной, а дальше —
все равно.

Год-другой, и в путь-дорожку суждено,
ведь пойми ж, не отвертеться —
все равно!

* Слова из стихотворения Эндре Ади.

Волновать тебя все это не должно,
и твою горячность видеть
мне смешно».

Я вскипел: как видно, все вы заодно!
Но одумался: не стоит.
Все равно!

Препираться с ним мне стыдно и грешно,—
так подумал я. Вот то-то
и оно!

Как я жил, так жить я буду! «Что ж, вольно
жить как хочешь! — он ответил. —
Все равно!»
И взялся я за работу. Он взмахнул
дерзко крыльями и, свистнув, упорхнул.

И гадал я: почему же — разбери! —
и в тебе заговорили
снегири!

ЛЕНИН

Почему у ночей такое очарованье,
и к чему так прекрасен в тумане затерянный лунный свет,
если люди друг друга опять убивать замышляют,
чтоб последней надежды утратился след?

Шел, иду, страдаю. Ищу дороги.
Люди, поймите меня! Неужели совсем в никуда
указали дорогу нам целого века страданья,
неужели остыли сердца и погасли глаза навсегда?

Нет, нет, нет! Быть не может. От Гренады и до Гренады
вкруг земли, обращенной в один бесконечный погост,
миллионы упрямов лежат. И над этой землею дрожащей
потрясающий Ленин встает во весь рост.

ВИШНЯ

Снежный вихрь — не видно света!
Я укурюсь!
А за снежною стеною — сердца
пламенная алость,
будто вишня на морозе между
хрупких снежных веток
удержалась!

* * *

А завтра-то что же?
Ушли облака на закат,
отблестали,
и птицы уснули,
устали,
они отвечать мне не стали.
И тянутся к небу деревья,
не видя меня и не слыша.
Затишье
такое, что даже и листик не встрепенется,
и лодка на грезящем озере не шевельнется.

Темнеет,
о боже!

А завтра-то что же?

БЕЛА КУНУ

Есть мертвецы —
они живые
стоят и ныне за спиной.

А есть живые —
хоть давно их
позавалило уж землей.

Не все мертвы,
кого убили.

Не всякий жив,
кто убивал.

Иду дорогой, слушая
молчание гнетущее
всех четырех
стихий.

Пора такая выдалась,
что обретает видимость
потусторонний
мир.

Светает ли, смеркается,
но что-то надвигается,
в чем тонет
голос мой.

И снова явь когтистая
клюет меня. Один стою!
Стемнело.
Где же ты?

РУЧЕЙ

Он с виду тихий, узенький ручей,
течет во мне сквозь города, деревни,
блестя порой от солнечных лучей,
а в дождик будто прячась под деревья.

Как бы стыдясь, там отдыхает он,
опавшую листву перебирает,
бормочет про себя. Задумчиво на мир
тысячеглазой рябью он взирает.

Но под ручьем Дунай, Миссури, Темза
и Волга выворачивают лес,
обрывки мозга и осколки сердца
спокойствию таща наперерез.

Вглядись в меня: под гладью ручейка
в груди моей извечных волн кипенье;
весь мир объемлют горизонты их,
им нипочем любые загражденья!

Так ищут дельту! Понимаю я:
казалось, море ближе, ближе сроки.
Вперед! Под примиренностью ручья
гудят непримиренные потоки!

* *
*

Диктует дерзостное сердце
быть и остаться добротворцу,
стихийной радости творцу,
с людской бедой лицом к лицу.

Ты, радуга моя, блистай
и до скончанья туч не тай!

* *
*

Смотри, как благостен осенний небосвод!
(Я смерти перестал бояться.)
На мне вчерашний шелк, голубизна высот,
блестящий этот плащ, где звезды серебрятся.
Встань под него и ты.
Пойдем.
Теперь уж можем мы не сомневаться
в бессмертии своем.

* *
*

Отпусти меня, громадное августовское небо,
о, скажи мне: уйди, бесследно исчезни!
Надо мною звездное запрокинутое море
о вечном покое поет песню.

Я лежал во глубине времен, в бездне,
но на миг меня подбросило течение страсти,
тряхнуло солнце, трепанул ветер,
когда я взглянул на берег, на мир, на сети,

на снасти.

Отпусти меня, громадное августовское небо,
пусть я уйду, исчезну бесследно.
Надо мною звездное запрокинутое море
волнуется медленно,
 бескрайно,
 победно.

СТАРОСТЬ

Старость, с тобою я только заигрывал,
не допущу я, чтоб зубы повыпали,
Спину не сгорблю я, и не остыну я,
лучше умру, убегу, а не стану я
ждать, что отнимутся ноги от дряхлости!

Быть мне лишь юношей сильным, которого
страсти влекут в сотни улиц, и носится
он по полям, будто ветер бушующий,
ветки деревьев листвой покрывающий
и огнеметно глазами прожекторов
к жизни зовущий луну равнодушную!

Я одно целое с грустными кленами,
с грозно-могучими трубами фабрики,
с нежно глядящим на землю крестьянином,
с копотью, кроющей стекла оконные,
с майским ручьем, тишину нарушающим,
и с несворачивающимися кометами,
и с громыхающими дверьми окраины.
Словом — одно я со всею Вселенною!

Перед оконцем зелень весенняя
льнет к ветерку. О, хотя б на мгновение
очи открой и смежи их. Весна.
Великолепна земля, и она
здесь, подо мной, как была, так осталась.
Я ведь с тобой лишь заигрывал, Старость!

ВЕРНИСЬ СКОРЕИ!

Зачем под осень стонет ветвь,
когда листвы на ней уж нет?

К чему краса озерных вод,
когда в них рыба не живет?

Пустая комната кому
окном сверкает — не пойму.

И это платье для чего,
коль не звучит: «Надеть его?»

Зачем в глаза мне, одинок,
с тоской глядит твой башмачок?

И музыка звучит к чему,
коль пустота во всем дому.

В чем смысл лучей, когда лучей
не отражает взгляд ничей?

К чему и хлеб вот этот свеж,
коль не могу сказать я: «Ешь!»

И одеяло — не пойму —
двойное стелется к чему.

Тебя окликнуть слов ищу,
но нету слов, и я молчу.

И нет и нет тебя. Томлюсь.
И день и ночь к тебе стремлюсь.

Вернись
скорей!

МАЯКОВСКОМУ

Ташу в себе колосса.
Тяжело!
Но он настолько нежен,
что сам мне помогает в себе тащить его.

НЕПОКОРЕННЫЕ

Не только тот героем был,
кто шел бесстрашно
в бой —
на подвиг ратный,
когда алел над ним глагол,
как в пламени зари
алеют Татры.

И тот героем был,
в ком корчилося от боли слово
как лава
в получившем по зубам
вулкане.
Кто вынес все —
без содроганья.

ЧЕРЕШНЯ

Семьдесят пятый раз
расцвела —
с тех пор как живу —
черешня.

Ветерок осторожный
иногда невзначай
тычинки ерошит...

Но вспять уже потекла
в моем горле
песня.

* *
*

Как мир велик!
Всегда есть где-то
Лето,
И солнце где-то есть всегда,
А где-то светится звезда.
И ты себя присни туда,
Где лето, солнце и звезда.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Весна. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	3
Ветви гудели. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	3
«Зажмурился уголек...» <i>Перевод Л. Мартынова</i>	4
Слышу: постучались! <i>Перевод Л. Мартынова</i>	4
Москва. <i>Перевод А. Суркова</i>	5
Страх. <i>Перевод С. Поликарпова</i>	6
Время. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	6
Рождение. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	6
Светаёт. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	7
Май. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	7
Июнь. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	7
Испанские партизаны. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	8
«Сейчас встанет солнце...» <i>Перевод Л. Мартынова</i>	9
Южная песня. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	9
Тебе. <i>Перевод А. Суркова</i>	10
Старею. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	10
В одну из темнейших ночей войны. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	11
Улица Жасмина. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	12
Погибшим революционерам. <i>Перевод И. Миримского</i>	14
«Дай мне руку...» <i>Перевод Н. Тихонова</i>	15
19 марта 1944 года. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	15
«Не терзай меня больше...» <i>Перевод Л. Мартынова</i>	16
Бойня. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	16
«Тяжко страдать...» <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	17
«Трещит осенний лес нагой...» <i>Перевод Л. Мартынова</i>	17
«Черные руки вздымают мосты...» <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	17
«Я вхлебываюсь ртом хрипящим...» <i>Перевод Л. Мартынова</i>	18
«Слово я возненавидел...» <i>Перевод Л. Мартынова</i>	18
Венгерская весна. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	19
Снегирек. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	23
Ленин. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	24
Вишня. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	25
«А завтра-то что же?...» <i>Перевод Л. Мартынова</i>	25
Бела Куну. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	25

«Иду дорогой, слушая...» <i>Перевод Л. Мартынова</i>	26
Ручей. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	26
«Диктует дерзостное сердце...» <i>Перевод Л. Мартынова</i>	27
«Смотри, как благостен...» <i>Перевод Л. Мартынова</i>	27
«Отпусти меня, громадное августовское небо...» <i>Перевод Л. Мартынова</i>	27
Старость. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	28
Вернись скорей! <i>Перевод Л. Мартынова</i>	28
Маяковскому. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	29
Непокоренные. <i>Перевод Н. Горской</i>	30
Черешня. <i>Перевод Н. Горской</i>	30
«Как мир велик!..» <i>Перевод Д. Самойлова</i>	30

Антал ГИДАШ

ЛИРИКА

Редактор Д. К. Иванов

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 13.04.83. Подписано к печати 08.06.83. А 00690.
 Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная
 печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,50. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1626.
 Зак. № 585. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты
 «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

Во всех книжных магазинах и киосках продаются билеты Всероссийской книжной лотереи.

Вероятность выигрыша достаточно велика: из каждых 200 билетов 69 выигрышных.

Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрыша заранее обозначена на внутренней стороне запечатанного билета: 50 копеек, 1, 3 и 5 рублей.

По выигрышному билету можно приобрести по своему выбору книгу или другие товары из наличного ассортимента книжного магазина или киоска на территории РСФСР.

Прочитанные книги вы можете продать книжным магазинам. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

Желаем удачи!

**Росглавкнига.
Дирекция Всероссийской книжной
лотереи.**